

РУССКАЯ КЛАССИКА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭПОХ

И. О. МАРШАЛОВА

(Историко-мемориальный центр-музей И. А. Гончарова

Ульяновск, Россия)

ORCID ID: 0000-0002-2517-0650

УДК 821.161.1-1(Блок А.):821.161.1-31(Гончаров И.)

DOI 10.26170/ufv20-04-11

«СОН ОБЛОМОВА» И «БАБУШКИНА ПРАВДА» И. ГОНЧАРОВА В ПОЭЗИИ И КРИТИКЕ А. БЛОКА: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

«Обломов был цельным, ничем не разбавленным выражением массы, покоившейся в долгом и непробудном сне и застое».
И. А. Гончаров. «Лучше поздно, чем никогда». 1879 г.

«...общество – живое, цельное, нераскрытое, как бы вуалью от нас занавешенное Существо, спящая Красавица, которую некогда разбудят от сна».
Андрей Белый. «Луг зеленый». 1905 г.

Аннотация. В статье делается попытка осмыслить уникальное блоковское ощущение Кануна, предреволюционного взрыва, трагических общественных противоречий, имеющих глубокие, подчас неожиданные историко-литературные и социокультурные корни. В частности, в близком русском символистам ключе тема нарастающей глобальной разобщённости на фоне социальных и политических катаклизмов не раз поднималась И. А. Гончаровым в романах «Обломов», «Обрыв», критических заметках «Лучше поздно, чем никогда». Особый акцент также сделан на пластической природе в лирике и критике Блока мотива сна, генетически восходящего к знаменитому «Сну Обломова» с его явной амбивалентностью. Этот мотив в работах петербургского символиста преодолевает определённые этапы трансформации (от пугающего муравьиного забвения через сон-грёзу о милом сердцу прошлом к неукоснительной цикличности). Идея сна, непрерывной дремотности, которыми окутана Родина, русский народ, практически одновременно в разных художественных вариантах разрабатывается Александром Блоком и Андреем Белым, весьма сходно оценивающими перспективы и итоги глобальных изменений в России и мире первой трети XX века.

Ключевые слова: русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные герои; литературные образы; литературные мотивы; мотив сна; русские поэты; русская поэзия; поэтическое творчество.

В монографии Г. Гунна «Очарованная Русь» содержится анализ некоторых исследований А. Блока, написанных в период начала работы над знаменитым поэтическим циклом «Родина» (1907–1916). В частности, разбор характерной для его раннего поэтического мироощущения статьи «Девушка розовой калитки и муравьиный царь», созданной в ноябре 1906 года. Суть блоковской лирической прозы, по мнению Гунна, в синтезированном виде заключается в принципиальной антитезе Европы и России, Запада и Востока: «Противопоставление Запада и России явственно. Запад остается со своей недостижимой мечтой и достигнутым бюргерским бытом. Поиски недостижимого недостижимы. Здесь властвует кантовский запрет. В России – не Елена “Фауста”, не Кант, а корявый мужичонка. Ищет, значит, найдет. Недостижимого здесь нет. Там, на Западе, легенда жизни уже сотворена. “Песенка жизни спета”. В замок прошлого уже не вернется “веселая и трагическая жизнь”. Россия бедна легендой, но эта, пусть бедная, легенда – живая» [Гунн 1990: 99].

Именно заглавные образы статьи – девушка и муравьиный царь – олицетворяют два мира, две культуры: романтический, полный сладких грёз, благоухания роз, пения птиц, крайне приторный, в целом шаблонный западный образ жизни и несуразное, во многом отталкивающее русское житьё, где какой-то «корявый мужичонка копается в муравейнике, ищет корешка, которым, верно, будет лечить коровье вымя или свою больную бабу» [Блок 1980–1983, т. 5: 14]. Однако в последующем утверждении – «мужичонка наверное найдет корешок», ведь и «муравьиный царь – тайный его сообщник» – некая скрытая, сдерживаемая сила-вера в мрачную, голодную, оборванную, но – родную и вопреки всему живую Россию. Весьма созвучны этой странной вере-любви строки из микроцикла «На поле Куликовом», включённого в цикл «Родина»: «Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами / Степную даль». «Домчимся», поспеем вовремя, настигнем необходимое, получим искомое. Эта безукоризненная обо-

стрённая вера в русское сродни «верю в Россию»¹ Андрея Белого. Ответ этой силы-веры озарил всё творчество Александра Блока:

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!.. [Блок 2005: 430]

Глубокое чувство Родины всегда было органично личности А. Блока, проливалось врачующий свет на его жизнь, творчество, помогая безошибочно намечать пути выхода из удушающего кольца одиночества и замкнутости. Закономерно появление в записной книжке 12 сентября 1908 года следующей записи: «Написать доклад о единственно возможном преодолении одиночества – приобщение к народной душе и занятие общественной деятельностью» [Блок 1980–1983, т. 5: 123].

В этом же году написаны стихи из цикла «На поле Куликовом» и стихотворение «Россия», пропитанные духом борьбы и понимания общего дела, с одной стороны, принятия своей (и одновременно общей) судьбы – с другой:

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. – Молись! [Блок 2005: 429]

Фразема «твой час» и лексема «молись» указывают на предопределённость судьбы, от которой невозможно укрыться, отмахнуться, но лишь всем сердцем принять и «крест свой бережно нести».

¹ «Верю в Россию. Она – будет. Мы – будем. Будут люди. Будут новые времена и новые пространства. Россия – большой луг, зеленый, зацветающий цветами. Когда я смотрю на голубое небо, я знаю, что это – небо моей души. Но еще полней моя радость от сознания, что небо моей души – родное небо. Верю в небесную судьбу моей родины, моей матери» [Белый 1994: 333].

Цикл «Родина» в целом, стихи, посвящённые Куликовской битве в частности, во многом подготовили две статьи Блока, вышедшие последовательно в 1909 году: «Народ и интеллигенция» (в журнале «Золотое руно») и «Стихия и культура» (в «Нашей газете» в сокращённом виде). На тот период времени поэт был крайне встревожен ещё неявным, но нарастающим столкновением двух общественных сил – народа и интеллигенции: «Эти отношения представляются мне не только ненормальными, не только недолжными. В них есть нечто жуткое; душа занимается страхом, когда внимательно приглядишься к ним ...» [Блок 1980–1983, т. 4: 105]. Воистину, мучительно это деление на «своих» и «не своих», а порою дико, пугающе: «... та же все легкая усмешка, то же молчание “себе на уме”, та благодарность за “учение” и извинение за свою “темноту”, в которых чувствуется “до поры, до времени”. Страшная лень и страшный сон, как нам всегда казалось; или же медленное пробуждение великана, как нам все чаще начинает казаться. Пробуждение с какой-то усмешкой на устах. Интеллигенты не так смеются, несмотря на то, что знают, кажется, все виды смеха; но перед усмешкой мужика, ничем не похожей на ту иронию, которой научил нас Гейне и еврейство, на гоголевский смех сквозь слезы, на соловьевский хохот, – умрет мгновенно всякий наш смех; нам станет страшно и не по себе» [Блок 1980–1983, т. 4: 109]. В сердцеvine данного высказывания – смятение нешуточное и далеко не беспочвенное, имеющее глубокие историко-литературные корни. Близость общественных, социокультурных, политических представлений разных поколений отечественных классиков о наболевшем, о «великой бабушке – России», её нелёгкой «ледяной» судьбе читаются в бесконечных вариациях раздумий о конфликтности старой русской жизни сменяющим её радикальным преобразованиям, несовместимости помещичьего быта и разночинной вольницы, неслиянности жизни интеллигенции с простонародным бытованием. Предвосхищая трагические прозрения символистов о нарастающей глобальной разобщённости на фоне социальных и политических катаклизмов, И. А. Гончаров в статье «Лучше поздно, чем никогда», разъясняющей некоторые задачи и проблемы провидческого романа

«Обрыв», замечал: «Не жили ли старые наши поколения и старшие, господствовавшие и управлявшие нашими судьбами предводители этих поколений или, лучше сказать, не спали ли они под навесом старой мудрости, пробавляясь преданиями, хотя и соглашались (как Бабушка в спорах с внуком) про себя, что надо жить иначе, но боялись, беспокоились, как она, и пятились в страхе от всего нового, зажимая глаза, и, когда нельзя было уйти назад, уступали неохотно, и тогда сквозь обветшавшую, негодную мудрость пробивались свежие русские силы здравого смысла?..

Разве мы не пережили этих колебаний, страхов, беспокойств пробуждающегося организма, пока всемогущее “быть по сему” не указало, куда идти всем дружно, на свет, к новым и разумным благам?

А расплата за этот безусловный страх всего нового, за высокомерие неведения и за слепую веру в свою силу – за все старые грехи, – разве не отразилось это в самоуверенности Бабушки, требовавшей повиновения только своей воле и зажимавшей глаза от нового, вместо того чтобы подвести Веру к этому новому исподволь и сознательно, чтобы она не обольстилась фальшивым блеском неведомой, будто “новой правды” и “нового дела и счастья” и знала, как встретить Волохова?

Разве не плакало старое поколение о своих “грехах”, как Бабушка плачет над своим маленьким Севастополем, разрушенной беседкой на дне обрыва?» [Гончаров 1987: 76-77].

Ощущением несовместимости двух канонов существования, двух «правд», предвидением надвигающейся грозы полны и раздумья поэта XX столетия: «Иногда сомневаешься в этом, но, кажется, это действительно так, то есть действительно не только два понятия, но две реальности: народ и интеллигенция; полтора миллиона с одной стороны и несколько сот тысяч – с другой; люди, взаимно друг друга не понимающие в самом основном. Среди сотен тысяч происходит торопливое брожение, непрестанная смена направлений, настроений, боевых знамен. Над городами стоит гул, в котором не разобраться и опытному слуху; такой гул, какой стоял над татарским станом в ночь перед Куликовской битвой, как говорит сказание» [Блок 1980–1983, т. 4: 109-110]. Созвучны этим горьким раздумьям лирические

строки, приобретающие угрожающий смысл, ибо несметные полчища басурманов угадываются в легкоузнаваемом, родном, близком:

На пути – горячий белый камень.
За рекой – поганая орда [Блок 2005: 425].

Что же другое, светлое войско? «Среди десятка миллионов царствуют, как будто, сон и тишина. Но и над станом Дмитрия Донского стояла тишина; однако заплакал воевода Боброк, припав ухом к земле: он услышал, как неутешно плачет вдовица, как мать бьется о стремя сына. Над русским станом полыхала далекая и зловещая зарница» [Блок 1980–1983, т. 4: 110]. В поэтическом цикле эта неведомая зарница разрастается в пожарище:

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар [Блок 2005: 428].

Мысль о двух станах – пророчество, обещающее бурю. Бурю, как станет известно через восемь лет после выхода статьи и написания цикла «На поле Куликовом», 1917 года – революции и кровавой междоусобицы.

Вторая статья, во многом уточняющая первую, представляющая, по утверждению самого Блока, «развитие все той же темы», поразительно близко сходится в мысли о непробудном сне с прозаическим размышлением Андрея Белого «Луг зеленый» (1905). По замыслу московского символиста, Красавица-Россия одурманена «глубоким сном», и «пелена черной смерти в виде фабричной гари занавешивает просыпающуюся Россию» [Белый 1994: 329]. Идея сна, непрерывной дремотности, которыми окутана Родина, русский народ, практически одновременно в разных художественных вариантах транслируется двумя поэтами. Излюбленные Александром Блоком образы муравья и муравейника органично входят в эту картину: «Всякий сон характеризуется тем, что все происходит в нем по каким-то чуть-чуть измененным, нездешним, неземным, нелюдским законам.

Например, по муравьиным законам. Солнце восходит, и солнце заходит, идет гроза, уходит гроза, – а муравейник растет. Можно увидеть себя во сне муравьем; строю муравейник, лезу за хвоей на тонкую елку, ветер покачнул елку, – я падаю на землю, но медленно начинаю взбираться опять. И так без конца, без конца. И наконец – проснуться и обрадоваться, что ты не муравей, а человек, что у тебя есть свободная воля» [Блок 1980–1983, т. 4: 118]. Причудливый мотив муравьиного забвения трансформируется в цикле «Родина» в сон-грёзу о милом сердцу прошлом:

Снится – снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне – колючий шиповник,
И вечерний туман [Блок 2005: 435].

Это видоизменённая, благоприятная для лирического героя форма сна. Поразительно близки обе грёзы (муравьиное забвение и милые сердцу детские воспоминания) знаменитому «Сну Обломова» с его явной амбивалентностью, убаюкивающей, отупляющей неизменностью и вместе вселяющей покой и умиротворение блаженной повторяемостью: «Видит Илья Ильич во сне не один, не два такие вечера, но целые недели, месяцы и годы так проводимых дней и вечеров. Ничто не нарушало однообразия этой жизни, и сами обломовцы не тяготились ею, потому что и не представляли себе другого житья бытья; а если б и смогли представить, то с ужасом отвернулись бы от него. Другой жизни и не хотели и не любили бы они. Им бы жаль было, если б обстоятельства внесли перемены в их быт, какие бы то ни были. Их загрызет тоска, если завтра не будет похоже на сегодня, а послезавтра на завтра. Зачем им разнообразие, перемены, случайности, на которые напрашиваются другие? Пусть же другие и расхлебывают эту чашу, а им, обломовцам, ни до чего и дела нет. Пусть другие живут как хотят» [Гончаров 2010, т. 4: 152-153].

Страшная ипостась муравьиного забвения, вековой мёртвой цикличности находит очередное подтверждение в стихах блоковского цикла:

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в Божий храм.

<...>

А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

<...>

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне [Блок 2005: 441].

Сон – это с одной стороны. С другой стороны подступает механизированная культура, гигантская машина, стремящаяся поглотить все земные богатства, всех людей сделать своими придатками: «Человеческая культура становится все более железной, все более машинной; все более походит она на гигантскую лабораторию, в которой готовится месть стихии: растет наука, чтобы поработить землю; растет искусство – крылатая мечта – таинственный аэроплан, чтобы улететь от земли; растет промышленность, чтобы люди могли расстаться с землею» [Блок 1980–1983, т. 4: 120]. Это всё более и более увеличивает пропасть между передовыми людьми, новоявленными штольцами, поклоняющимися прогрессу, и людьми «стихийными», пресловутыми обломовцами, чья жизнь соразмерна природной, естественной жизни и регламентирована всепоглощающей ленью. Курьёзно, но отнюдь не оптимистично обыграно отставание медлительного большинства от продвинутого меньшинства в ядовитой фразе Тарантьева, одного из самых последовательных посетителей Обломова, о деятельности русского немца Штольца: «Я слышал, он какую-то машину поехал смотреть да заказывать: видно, тиски-то для русских денег!» [Гончаров 2010, т. 4: 60]. Можно сравнить этот экзистенциальный испуг гончаровского героя с «прозрением» Андрея Бе-

лого, писавшего Александру Блоку в марте 1918 г.: «То же, что Ты пишешь о России, для меня расширяется до Европы. Там зреет крах такой же, как и у нас: я это знаю... наверное... Еще многое будет... Сказка или сон? “Доспех тяжел, как перед боем!... Теперь – молись...” В горах Швейцарии я давно уже распрощался со старым миром... <...> Если Россия и Европа не стяхнет с себя “железную пята”, – скоро мы увидим открытые человеческие жертвоприношения...» [Андрей Белый и Александр Блок 2001: 513].

Одни не хотят остановиться, оглянуться, другие в силу своей медлительности, недоверчивости, дикости не могут угнаться вовсе, однако подспудно растут и крепнут, грозя всему убегающему от них: «Распалась месья Культуры, которая вздыбилась «стальной щетиною» штыков и машин. Это – только знак того, что распалась и другая месья – месья стихийная и земная. Между двух костров распалившейся мести, между двух станов мы и живем» [Блок 1980–1983, т. 4: 123]. «Испепеляющие годы!» – время, современное Блоку, им самим определенное как эпоха «безумья» и «надежды»:

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России –
Забуть не в силах ничего [Блок 2005: 443].

Что же далее?.. Блок предполагает самое жуткое (и самое вероятное!): «Так или иначе – мы переживаем страшный кризис. Мы еще не знаем в точности, каких нам ждать событий, но в сердце нашем уже отклонилась стрелка сейсмографа. Мы видим себя уже как бы на фоне зарева, на легком, кружевном аэроплане, высоко над землею; а под нами – громыхающая и огнедышащая гора, по которой за тучами пепла ползут, освобождаясь, ручьи раскаленной лавы» [Блок 1980–1983, т. 4: 124]. Теперь-то уже очевидно: «на фоне зарева» Первой мировой войны, за «тучами пепла» и «ручьями лавы» Революции... В преддверии же грозных событий – относительная тишина и тайное, но неуклонно растущее размежевание

лагерей: стихии и культуры, народа и интеллигенции, деревни и города, соприродной жизни и механизированной культуры.

Стойкое, бескомпромиссное блоковское ощущение Кануна имеет глубокие, подчас неожиданные историко-литературные и социокультурные корни и, безусловно, не исчерпано эпохой русского символизма. Россия постоянно на краю, на границе нескольких миров, усложнённых в своей иерархии, но по-прежнему агрессивно враждебных, планомерно уничтожающих друг друга. Неминуемо встает вопрос, которым поэт завершил цикл стихов о Родине: «Доколе...?».

ЛИТЕРАТУРА

Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 606 с.

Белый Андрей. Луг зеленый // Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и прим. Л. А. Сугай. М.: Республика, 1994. 528 с.

Блок А. Девушка розовой калитки и муравьиный царь // Блок А. Собрание сочинений : в 6 т. Л.: Худож. лит., 1980–1983. Т. 5. 406 с.

Блок А. Из дневников и записных книжек // Блок А. Собрание сочинений : в 6 т. Л.: Худож. лит., 1980–1983. Т. 5. 406 с.

Блок А. Народ и интеллигенция // Блок А. Собрание сочинений : в 6 т. Л.: Худож. лит., 1980–1983. Т. 4. 462 с.

Блок А. Сочинения: Стихотворения и поэмы. Статьи и речи. Екатеринбург : У-Фактория, 2005. 705 с.

Блок А. Стихия и культура // Блок А. Собрание сочинений : в 6 т. Л.: Худож. лит., 1980–1983. Т. 4. 462 с.

Гончаров И. А. Лучше поздно, чем никогда // Гончаров И. А. На родине / сост., автор вступ. ст. и примеч. В. А. Недзвецкий ; худож. А. Денисов. М.: Сов. Россия, 1987. 398 с.

Гончаров И. А. Обломов : Роман // Гончаров И. А. Собрание сочинений : в 6 т. М.: Книжный Клуб «Книговек», 2010. Т. 4. 608 с.

Гунн Г. «Нестеровская Русь» и Россия Блока // Гунн Г. Очарованная Русь. М.: Искусство, 1990. 288 с.

REFERENCES

Andrey Belyy i Aleksandr Blok. Perepiska. 1903–1919. M.: Progress-Pleyada, 2001. 606 s.

*Belyy Andrey. Lug zelenyy // Belyy A. Simvolizm kak miroponi-
manie / sost., vstup. st. i prim. L. A. Sugay. M. : Respublika, 1994. 528 s.*

*Blok A. Devushka rozovoy kalitki i murav'inyu tsar' // Blok A.
Sobranie sochineniy : v 6 t. L. : Khudozh. lit., 1980–1983. T. 5. 406 s.*

*Blok A. Iz dnevnikov i zapisnykh knizhek // Blok A. Sobranie so-
chineniy : v 6 t. L. : Khudozh. lit., 1980–1983. T. 5. 406 s.*

*Blok A. Narod i intelligentsiya // Blok A. Sobranie sochineniy : v 6 t.
L. : Khudozh. lit., 1980–1983. T. 4. 462 s.*

*Blok A. Sochineniya: Stikhotvoreniya i poemy. Stat'i i rechi. Eka-
terinburg : U-Faktoriya, 2005. 705 s.*

*Blok A. Stikhiya i kul'tura // Blok A. Sobranie sochineniy : v 6 t. L. :
Khudozh. lit., 1980–1983. T. 4. 462 s.*

*Goncharov I. A. Luchshe pozdno, chem nikogda // Goncharov I. A. Na
rodine / sost., avtor vstup. st. i primech. V. A. Nedzvetskiy ; khudozh.
A. Denisov. M. : Sov. Rossiya, 1987. 398 s.*

*Goncharov I. A. Oblomov : Roman // Goncharov I. A. Sobranie sochi-
neniy : v 6 t. M. : Knizhnyy Klub «Knigovek», 2010. T. 4. 608 s.*

*Gunn G. «Nesterovskaya Rus'» i Rossiya Bloka // Gunn G.
Ocharovannaya Rus'. M. : Iskusstvo, 1990. 288 s.*